

Двадцатилетний сибиряк "пришел, увидел, победил". Его голос — поистине божественный дар: редкой красоты, уникального тембра, подкрепленный высоким артистизмом. Сегодня он гость нашей 13-й страницы — лауреат всесоюзных и международных конкурсов, солист Красноярского театра оперы и балета Дмитрий Александрович ХВОРОСТОВСКИЙ, завоевавший в 1989 году титул "лучший певец мира".

— Пожалуйста, подробнее, Дима: как присуждали такое громкое звание, кто с вами конкурировал?

— В Кардиффский «Сен-Дэвидз холл», где проводила всемирный конкурс компания Би-Би-Си, съехалось около двухсот претендентов — из стран Северной и Южной Америки, из Италии, Испании, Франции. Отличный парень из Западного Берлина, тенор «а-ля Паваротти». Из Болгарии — красавица Александра Пендошанская, звезда будущего... В обоих турах нужно было исполнить примерно по шесть произведений, чтобы выступление в каждом туре длилось не меньше 25 минут. Первый тур занял пять дней — так много было участников. Определялся победитель каждого дня: во втором туре предстояло состязаться лишь пяти финалистам. Некоторые "лидеры дней", между прочим, не прошли на второй тур.

Я пел Чайковского — арию Елецкого из «Пиковой дамы» и арию Мазепы, пел Верди — арию Макбета и арию Родриго из «Дон Карлоса»; романсы Чайковского, Рахманинова, романс Вольфа «Замкнутость».

Там не оговаривалось, кто какое место занял. Победитель был один, остальные финалисты получили денежные премии. И премии не подразделялись на первую, вторую, третью и так далее. Просто объявляли: «Премия — столько-то тысяч фунтов стерлингов».

— И что, даже никакого диплома не выдали?

— В отличие от прочих конкурсов — нет. На всероссийском я получил огромный диплом в тяжелой красной папке. На конкурсе имени Глинки — поскромнее, красиво оформленный лист мелованной бумаги. В Тулузе и Ницце, где я тоже был первым, — листочки вдвое меньше, но с золотым тиснением. А в Кардиффе вручили хрустальную вазу, довольно увесистую. Хотел увезти ее домой, но мне сказали: «Что вы, не утруждайтесь, мы вам ее отправим!» Тогда я демонстративно ее поцеловал — простился. И правильно сделал. Недавно поинтересовался, англичане ответили, что сразу же отправили вазу в Красноярск. Значит, она с июня 1989-го ко мне едет...

— Может быть, это и есть "малой" скоростью?... Наверно, Дима, в детстве у вас был иной голос, нежели сейчас?

— Естественно. Был средний голос. Не дискант и не альт, а средний. В детском хоре я пел вторым сопрано. Стал чуть старше — перешел в альты. Голос начал ломаться рано, в одиннадцать лет (акселерат!), и, по настоянию отца, я с двенадцати до четырнадцати лет совсем не пел. Многие голоса в детстве изнашиваются, если вовремя не прервать их эксплуатацию... Бесконечно благодарен отцу, он настоящий знаток, и сам прекрасно владеет голосом.

— Расскажите о своих родителях. Кто они по профессии?

— Мама — Людмила Петровна, врач. Отец — Александр Степанович, инженер-химик. Всю жизнь пел, но у него не было такого легкого бытия, как у меня, стать певцом-профессионалом ему не удалось.

— А вы намеревались стать певцом?

— Нет, я просто учился играть на пианино. В музыкальной школе изучал сольфеджио, гармонию. Сначала нравилось, потом стало скучно. К тому же попросил однажды учительницу изменить расписание; она удивилась — с какой стати; я ответил, что играю в футбол и у меня ответственный матч. После чего она полностью во мне разочаровалась.

— В футбол играли всерьез? В каком амплуа?

— Был заядлый футболист, правый крайний нападающий. Когда самозабвенно пинал мяч в стенку, мама заглядывала мне в глаза, сомневаясь в моих умственных способностях... А тут я еще увлекся рок-музыкой. Освоил кое-что из репертуара «Битлз», «Слейд», «Суит»... У нас в Красноярске сложился рок-ансамбль при детском клубе, потом при общеобразовательной школе; мы играли на танцах, иногда на свадьбах, где придется, — чаще всего бесплатно.

У меня такой ветер был в голове, такой мусор... Ни малейшего представления, чем хочу заниматься. То ли в медицинский идти, то ли в технологический... И опять спасибо родителям: посоветовали музыкальное училище.

Я поступил в педагогическое с музыкальным отделением; практику проходил в школах, детских садах, пионерских лагерях — играл на клавишных и пел. Между прочим, уже тогда все чаще слышал от окружающих, что мне ничего не стоит спеть как оперному певцу: ведь диапазон у меня — три октавы.

А в училище тех времен царил дух хорового дирижирования. Мы без конца пели в хоре, где меня определили в теноры. Но как только я начинал петь в теноровой тесситуре, это превращалось в «соло Хворостовского с хором», потому что в верхнем регистре я не мог петь тихо...

— Кому вы признательны как учителям?

— Педагогу по вокалу Галине Алексеевне Астаниной признателен. Она очень бережно обращалась с моим голосом. Боялась за него и поэтому не разрешала экспериментировать. А мне хотелось выяснить свои возможности. У нас дома была большая фонотека, и я тайком от Галины Алексеевны разучил много арий и романсов, сам себе аккомпанируя.

Отец (опять отец!) посоветовал пойти к Борису Ефимовичу Шиндареву, преподававшему вокал в городском Дворце культуры. То был 86-летний педагог-эмпирик, бывший баритон императорских театров, весьма экстравагантный. К нему приходили рабочие и служащие, которые пытались петь, и он очень быстро, совершенно зверскими методами, «вытаскивал» их голоса. У него был бзик: все мужские голоса он считал тенорами. Басы ли к нему приходили, баритоны ли — он из всех делал теноров. Буквально за одно-два занятия я у него взял верхнее «си»!

Дома я тоже садился то и дело за пианино и пел. Мама говорила: «Петушок». Дескать, молодые петушки не могут не кукарекать. В конце концов я так раскукарекался, что отец сказал: Займись серьезно, из тебя может выйти настоящий оперный певец. И я — занялся.

— А говорите: "Ветер в голове". Значит ты человек достаточно целеустремленный.

— Понимаете, когда ощутишь собственный голос, не петь уже не можешь... Обзаведясь итальянской фонотекой, я стал изучать искусство итальянских мастеров (по пластинкам, записям), итальянскую манеру пения, музыку, язык.

— Как далеко продвинулись в языке?

— По части фонетики и произношения — преуспел. Много пою на итальянском. Будучи на Апеннинах, не раз слышал, что моя манера соответствует оригиналу. У нас в вузе был блестящий преподаватель итальянского, Михаил Савельевич Михельсон. Перед войной он, инженер, учился и практиковался в Италии, а когда приехал домой, в Прибалтику, был арестован и сослан в Сибирь на 10 лет... Потрясающий эрудит: на спор выучил за неделю основы китайского языка!

... Я ходил в оперу, читал запоем специальную литературу по вокалу, методические издания. И, в самом деле, вполне целеустремленно поступил в Красноярский институт искусств. Там у меня была педагогом «Екатерина Константиновна Иоффель. Она досконально разобралась в моем голосе и делала с ним чудеса. Мы долго «притирались», у нас с ней одинаково колючие характеры. Она обладала каким-то гипнотическим воздействием: один взгляд мог заставить меня прервать пение и замолчать. С другой стороны, случалось, явлюсь на занятие разбитый, чем-то раздосадованный, — несколько ее слов, и я начинаю петь, свободно и красиво!.. Екатерина Константиновна не позволяла ни одно упражнение выполнить без каких-либо эмоций. Допустим, я просто пробовал гаммы: «ля-а-а-а», она вдруг взрывалась: «Как ты поешь? У тебя при этом глупое лицо! С таким лицом нельзя петь ноты! Каждая нота должна быть осмыслена!» С тех пор я стараюсь входить в образ. Даже если у меня в роли было всего два-три слова, я искал в них подтекст. Скажем, Марулю в «Риголетто» — кто он такой, о чем думает, почему поступает не как все в свите Герцога?

— Вы сказали, характер у вас колючий. В чем это выражается?

— Не люблю нажима, давления. Неподатлив, могу вспылить. Меня лучше убеждать по-доброму... Когда-то я шел в класс к Екатерине Константиновне, как на каторгу. Но вот летят годы, а мы с ней по-прежнему друзья. Она болеет за меня и ждет из поездок. Рад, что ей присвоено звание заслуженного деятеля искусств РСФСР.

Как видите, у меня все время было хорошее окружение. И я стал фанатиком своего дела. Слава богу, период фанатизма миновал: при нем неизбежны перегибы. Научился «оценивать себя здраво. С третьего курса начал работать в театре.

— Что там довелось петь? Что сейчас поете?

— Сейчас мало что приходится. А тогда перепел все второстепенные партии.

— Второстепенные? Неужели в театре не оценили ваш голос?

— Но должна же быть какая-то субординация! Мне говорили: "Ты еще молод. И у нас не хватает "моржей" (так зовут исполнителей партий второго плана). Пел, например, Шарона в «Тоске»; за один день пришлось выучить музыкальную партию, но на сцене вынужден был заглядывать в шпаргалку с текстом, а у меня неважное зрение, так что прочесть не мог и пел какую-то ахинею. Но никто не заметил. На спектакле были мои друзья. «Ну, как?» — спросил я их. Они ответили: «Здорово! Тебя было слышно!»

— Какой у вас теперь голос?

— Лирический баритон. Более легкий, гибкий, кантиленный, чем, скажем, баритон драматический. Между прочим, Борис Годунов написан для драматического баритона, басы поют его по следам Шаляпина. Я же — Елецкий, Сильвио в «Паяцах», Жермон в «Травиате», Роберт в «Иоланте», Фигаро.

Теперь у меня в основном концертная деятельность. Пригласили в Киев; туда я приехал из Ниццы, спел в «Пиковой даме». После конкурса в Кардиффе выступил в Лондоне перед деловыми людьми, один из них, Марк Хилдрю, стал моим импресарио. Затем я уехал домой в Красноярск, побывал с нашим театром на гастролях на Дальнем Востоке. Потом — первые собственные гастролы, в Голландии. Перед концертом в Амстердаме впервые участвовал в публичной репетиции. Вышел в джинсах, кроссовках — и пожалел об этом: в тамошнем «Концерт-гебау» грандиозная сцена, роскошный зал, на репетицию пришла публика во фраках и вечерних туалетах. И на репетиции были овации...

Со своим театром я сейчас заключил контракт: буду получать не зарплату, а лишь за участие в конкретных спектаклях. Очень много впереди поездок, все расписано до 1993 года: Милан — «Ла Скала», Лондон — «Ковент-Гарден», Токио, Нью-Йорк, Вашингтон, Париж...

Контракт с фирмой "Филлипс" на пять лет: буду записывать диски, причем в партнерстве с крупнейшими певцами Хосе Карерасом и Джессикой Норман.

— Деликатный вопрос, Дима: как распределяется ваш гонорар?

— 50 процентов — мне, 50 — Всероссийскому музыкальному обществу, от которого я работаю. Надеюсь, общество тратит эти деньги на полезные дела.

— В печати промелькнуло, что ваша жена — балерина. Наверно, теперь вам не часто удается с ней видеться?

— Светлана танцует в кордебалете Красноярского театра. Мне бывает очень трудно одному в поездках; она это понимает и готова пойти на самую большую жертву — оставить театр. В Ниццу, например, мы с ней ездили вместе, и это было прекрасно! Вполне могу позволить себе траты на такие поездки.

Со стороны моя жизнь выглядит лучезарной, но в большинстве стран я ничего не вижу, кроме концертных залов и стен в номерах гостиниц; нужно беречь голос, заниматься, готовиться к очередным выступлениям. Есть города (особенно северные приморские), где климат убийственно действует на мои связки, петь становится почти невыносимо. Одному в таких гастролях тяжело. Вместе со Светланой — гораздо легче.

Возвращаюсь на Родину, выступаю в Ленинграде, в Ялте, Кишиневе, Смоленске... У меня нет с собой рояля, мне негде репетировать. В Москве иногда, если есть возможность, занимаюсь у пианиста Олега Бошняковича. Но постоянного места у меня нет, а значит, нет и постоянного должного тренажа, самоуглубления, сосредоточенности. Гнетет одиночество. И домой я теперь попаду не скоро. Так пусть Светлана будет со мной...

(Гостя расспросили Вадим ВЕРНИК, Эдуард ЦЕРКОВЕР.

Сфотографировал Виктор АХЛОМОВ.

"Неделя" №8, 1990 г.)